

Огромные глаза Девятицветной пестрой змеи лишь на мгновение скользнули по Ду Сылинь и снова устремились в небо. Ее вид — высоко поднятая голова и расправленная грудь — заставил даже Ду Сылинь проникнуться невольным уважением.

— Я помогу тебе, — произнесла Ду Сылинь.

— Поможешь мне? Ты... — Девятицветная пестрая змея презрительно усмехнулась, собираясь бросить в ответ, что перед ней всего лишь жалкий человек, но вдруг осеклась. Она заметила, что этот человек слеп, но при этом от него исходила едва заметная аура, отливающая золотом.

— Ну что? — Ду Сылинь тронула уголками губ улыбку и, слегка склонив голову набок, произнесла: — Согласна?

— Как ты мне можешь? — В голосе Девятицветной пестрой змеи прозвучало сомнение, но в этот момент небесная кара разразилась с новой силой.

— Одолжи мне ненадолго свою внутреннюю пилюлю. Я приму этот удар грозового бедствия на себя. Как только бедствие минует, я верну пилюлю в целости и сохранности, — сказала Ду Сылинь.

Однако Девятицветная пестрая змея засомневалась. Внутренняя пилюля для демонического зверя — всё равно что сердце. Хотя ею можно управлять, выпуская и втягивая обратно, как можно просто так взять и доверить ее первому встречному?

— Твоя внутренняя пилюля — главная цель для небесного бедствия. Стоит мне забрать ее, и молнии перестанут нападать на тебя. Если ты боишься, что я сбегу с твоим сокровищем, то напрасно. Я слепа, и твоя скорость передвижения многократно превосходит мою. Раз уж ты всё равно решила биться до смерти, почему бы не доверить мне пилюлю ради призрачной надежды на спасение? — По сравнению с оглушительным грохотом грома голос Ду Сылинь казался едва слышным шепотом.

Но она знала, что у Девятицветной пестрой змеи превосходный слух и та непременно услышит каждое слово.

— Хорошо, я верю тебе. — После слов Ду Сылинь Девятицветная пестрая змея в конце концов решилась и сжала зубы. Всё было именно так, как говорила Ду Сылинь: она уже давно смирилась со смертью, а худшим исходом в худшем случае станет потеря внутренней пилюли и утрата человеческого облика, но у нее впереди еще долгие годы жизни, а значит, можно будет начать всё сначала.

Приняв решение, Девятицветная пестрая змея больше не колебалась. Выровняв дыхание, она свернулась тугим кольцом, всё ее тело охватила мелкая дрожь. Изгнать внутреннюю пилюлю наружу означало вынести невыносимую боль, но по сравнению с тысячью ударов небесной кары это было сущим пустяком.

Вскоре перед Ду Сылинь появилась круглая внутренняя пиллюля, переливающаяся всеми цветами радуги, размером примерно с голову самой Ду Сылинь.

Ду Сылинь бережно подхватила пиллюлю обеими руками, в межбровье у нее открылся словно бы темный провал, после чего она стиснула зубы и вжала пиллюлю прямо в область Третьего глаза.

— А-а-а! — Внутренняя пиллюля уменьшилась до размеров бусины и ушла вглубь лба Ду Сылинь, а та издала пронзительный, разрывающий душу крик боли.

В следующее мгновение ее целиком поглотило бушующее грозное пламя.

Девятицветная пестрая змея отступила от опасной зоны и замерла в ожидании неподалеку.

Ее сердце трепетало от потрясения. Она всегда считала собственную волю несокрушимой, но сегодня пала ниц перед силой духа Ду Сылинь.

Вот Ду Сылинь сидит, скрестив ноги, паря в воздухе с плотно закрытыми глазами, а волна за волной свирепые молнии обрушиваются прямо на ее макушку.

Длинные волосы развеваются под порывами ветра и дождя, Ду Сылинь ровно дышит, преодолевая адскую боль от небесной кары, и сосредоточенно направляет всю волю на то, чтобы усвоить заключенную внутри энергию. Сила грозы дикая и буйная, это воплощение абсолютной твердости в мире. Внутренняя пиллюля же Девятицветной пестрой змеи отличалась предельным мягким началом. Твердость и мягкость слились воедино: если Ду Сылинь удастся повернуть столь рискованное предприятие и выстоять, обретенная ею мощь окажется просто неисчислимой.

Вокруг ее тела стремительно сменяли друг друга девять цветов, образуя пестрое световое кольцо, в котором смутно слышался драконий рев.

Прошло около получаса, прежде чем шестая волна небесной кары стала наконец стихать.

Глаза Ду Сылинь резко распахнулись, став полностью золотыми, ослепительными, подобно полуденному солнцу.

— Вращающееся Небесное Око, откройся! — Ду Сылинь сложила сложную печать руками. Опираясь лишь на одну душу и частицу духа посреди бесчисленных грозных разрядов, она сумела прорваться и пробудить Вращающееся Небесное Око.

Утраченная из-за рассеивания сил энергия в этот момент сотенными потоками возвращалась в тело Ду Сылинь. Паря в полувоздухе, она поднялась на ноги, крепко сжала кулаки и устремила взгляд в небеса. В сердце внезапно вспыхнул такой мощный порыв, что захотелось одним

ударом кулака расколоть это небо!

Небесная кара продолжала бушевать, но Ду Сылинь не испытывала страха. Это испытание больше не подавляло ее.

Поглощая энергию, затаившуюся во внутренней пилюле, она одновременно питала и вынашивала саму пилюлю собственной силой.

— Девятицветная пестрая змея, ступай в эту грозовую зону, я защищу тебя. Если не используешь молнии для закалки тела, ты просто не вынесешь мощь этой пилюли, — стоя среди громовых раскатов лицом к ветру, произнесла Ду Сылинь, заложив руки за спину, словно отрешенный от мира небожитель.

— Мм, — кивнула Девятицветная пестрая змея и, скользя по указанному Ду Сылинь золотому лучу, вошла в опасную область.

Ду Сылинь сотворила в воздухе глубокий и непостижимый массив, заставив грозовые вспышки над этим местом разгореться с новой силой, однако до самой Девятицветной пестрой змеи долетали лишь мягкие разряды. Количество энергии осталось прежним, но самые дикие и разрушительные элементы Ду Сылинь безжалостно отфильтровала.

— Опusti дыхание в дантянь и успокой ум, впитывая эту энергию, — приказала резким голосом Ду Сылинь, забирая всю буйную, неистовую ярость стихии исключительно на себя.

Услышав наставление, Девятицветная пестрая змея больше ни о чем не думала. Сейчас энергия была чистойшей, и каждая дополнительная минута ее поглощения приносила неисчислимую пользу.

Седьмое грозовое бедствие превосходило по силе первые шесть в десятки тысяч раз.

Сама она впитывала лишь самые неистовые грозовые потоки. Почему — она не знала, но внутреннее чутье подсказало, что ее телу необходима именно такая энергия. К тому же, раз уж она решила помочь Девятицветной пестрой змее, то даже если бы ей самой не требовалась эта сила, она бы всё равно расчистила для змеи путь вперед.

Обретя вновь способность видеть, Ду Сылинь обнаружила в себе немало перемен.

Прежде ее ци истинного янь была огненно-красной, а теперь превратилась в золотые потоки, в которых даже зарождались очертания дракона. Стоило ей пожелать, как духовная сила мгновенно оборачивалась гигантским драконом, способным проглотить небеса и сокрушить землю!

Даже без помощи Вращающегося Небесного Ока она теперь видела вокруг ауры демонов и

духов. А с открытым Оком могла разглядеть и истинный облик любого создания.

Пожалуй, это и называлось тем самым возрождением из пепла после разрушения.

Финальное грозное бедствие продолжалось несколько долгих часов. Во всяком случае, к тому моменту, когда Ду Сылинь и Девятицветная пестрая змея завершили практику, небо уже давно погрузилось во тьму.

— Твоя пилюля. — Ду Сылинь исторгла внутреннюю пилюлю из собственного тела и вернула ее Девятицветной пестрой змее.

Радужные переливы на пилюле исчезли, сменившись мягким кремовым оттенком.

Это был знак возвращения к истокам. Пройди она все девять грозных испытаний, пилюля стала бы молочно-белой.

Белый цвет — чистейший во всей вселенной.

— Спасибо, — приняв пилюлю обратно, поблагодарила Ду Сылинь Девятицветная пестрая змея.

— Не за что, ты ведь тоже помогла мне. — Ду Сылинь едва заметно тронула уголки губ. Ее глаза стали еще чище, напоминая прозрачный родник.

— Ты из клана Ду? — в процессе разговора Девятицветная пестрая змея приняла человеческий облик.

Перед ними стояла миниатюрная девушка с на редкость миловидным лицом и живыми, озорными глазами, напоминавшими испуганного зайчонка. Выглядела она совсем юной — казалось, ей едва исполнилось двадцать с небольшим.

— Семнадцатая наследница клана Ду, Тайгуан, — ответила Ду Сылинь.

— Вращающееся Небесное Око, — пробормотала про себя Девятицветная пестрая змея. — Ты обладаешь Вращающимся Небесным Оком...

Вращающееся Небесное Око даруется лишь от рождения, его нельзя унаследовать, передать или обрести с помощью тренировок.

— Тебе тоже повезло, — скрестив пальцы и лениво подложив руки под голову, произнесла Ду Сылинь. — Умудриться захватить тело Девятицветной пестрой змеи... — Уголки ее рта снова

неопределенно дрогнули.

— Ты что, улыбаешься? Улыбка тебе совсем не идет, — изумилась на секунду Девятицветная пестрая змея, но тут же взяла себя в руки. Вращающееся Небесное Око способно прозреть что угодно, так что нет ничего удивительного в том, что та разглядела истинную природу ее духа.

Ничего не ответив, Ду Сылинь повернулась и зашагала обратно по той же дороге.

— Меня зовут Цзинцзе, Тайгуан, очень рада познакомиться, — громко крикнул ей вслед звериный дух и даже подпрыгнула, весело махая рукой удаляющейся фигуре, совсем как малый ребенок.

— И еще, — не успела Ду Сылинь отойти далеко, как развернулась обратно, — больше не смей зариться на Сяо Цинчжу.

— На Сяо Цинчжу? — Цзинцзе скрестила руки на груди и пару раз наклонила голову. — Что, положила на нее глаз?

— Мы общаемся как благородные люди, — холодно бросила Ду Сылинь. — Она пострадала от твоей пятицветной ци и едва не лишилась жизни.

— Что?! — Цзинцзе возмущенно подпрыгнула. — Быть не может! — запротестовала она. — Я же просто впитывала ее духовную силу, к тому же я отправила людей подлечить ее, чтобы гарантировать ей безопасность!

— Значит, ты еще недостаточно хорошо контролируешь Девятицветную пеструю змею, и пятицветная ци тебе не подвластна до конца. — Ду Сылинь выглядела безучастной, ее черные волосы рассыпались по спине, а дождевая капля скатилась с ручки зонта прямо на землю.

— Хм... — Цзинцзе приложила палец к подбородку, задумчиво протянув звук. — Я управляю этим телом всего каких-то тридцать с небольшим лет, так что огрехи вполне простительны.

Глядя на эту девчонку, никто в мире не смог бы связать ее с тем чудовищным гигантским змеем, что буйствовал только что. Скажи кому, что она и есть Девятицветная пестрая змея — ни за что не поверят.

— Тогда возвращайся и тренируйся еще лет тридцать, — с легким вздохом покачала головой Ду Сылинь и вновь собралась уходить.

— Тайгуан, от тебя веет странным знакомством, — заметив это, Цзинцзе подбежала трусцой вслед за Ду Сылинь и спряталась под ее зонтом.

— Вот как, — отозвалась Ду Сылинь.

— Ага, напоминаешь одного старого знакомого, очень родной человек, — сладко улыбнулась Цзинцзе, хлопая большими глазами.

— Где ты живешь? Я провожу тебя, — Ду Сылинь никогда прежде не встречала столь оживленных созданий, да и по одному ее виду было ясно, что зонта у той нет.

— Я бездомная, — уныло протянула Цзинцзе, с мольбой глядя на Ду Сылинь глазами полными слез.

Ду Сылинь ничего не ответила, и Цзинцзе послушно поплелась за ней всю дорогу до самого дома.

Дверь открыла Фанфэн. Она страшно переживала за Ду Сылинь, ведь та ушла с самого утра и пропала без вести.

Ду Сылинь непринужденно переступила порог, но Цзинцзе вдруг остановилась прямо у входа. Ее глаза уставились на Фанфэн, и она больше не в силах была отвести взгляд. Фанфэн смотрела на женщину перед собой, и её охватило странное, смутно знакомое чувство.

Но она тут же отбросила эти мысли.

С первого же взгляда она поняла: эта женщина — ёкай.

— Это Цзинцзе, — видя замешательство подруги, Ду Сылинь представила её Фанфэн.

— Цзин... Цзинцзе... — услышав это имя, Фанфэн совершенно ошарашена.

— Дорогая Фанфэн, давно не виделись.

Да, Цзинцзе оказалась той самой Чжиши, которую Фанфэн искала целых триста лет.

Имена Фанфэн и Цзинцзе происходили из традиционной китайской медицины.

Обе травы имели острый вкус и слегка тёплую природу, согревали без иссушения и прекрасно помогали при синдромах внешнего происхождения. Вот только Цзинцзе отличалась лёгкостью и способностью рассеивать, её сила потоотделения превосходила возможности Фанфэн, в то время как Фанфэн была рыхлой и маслянистой, а потому лучше справлялась с изгнанием ветров.

Обе женщины не раз представляли себе самые разные сценарии их новой встречи, но ни одна из них не могла вообразить столь драматичного поворота.

Совсем недавно появился Чжисин, а теперь совершенно неожиданно нашлась Чжиши.

Сейчас Цзинцзе выглядела точно так же, как Чжи Юньсян в момент своей гибели в прошлой жизни — она была всего лишь чуть старше Ду Сылинь, но её живой и одухотворённый нрав остался абсолютно прежним.

Оказывается, расставшись в тот день с Чжисином, Цзинцзе повсюду пряталась от Черного и Белого Неотвратимых Духов Посланников Ада, пока волей случая не столкнулась с Девятицветной пестрой змеей, переживавшей смертельную небесную кару.

Цзинцзе лишь хотела скрыться от преследователей. Пройдя через множество реинкарнаций, она больше не желала крутиться в колесе перерождений, поэтому в отчаянии вселилась в тело Девятицветной пестрой змеи, слившись с её уцелевшей душой.

Она была Чжиши, но в то же время оставалась и Девятицветной пестрой змеей по имени Цзинцзе.

Унаследовав часть воспоминаний змеи, она получила определённое представление о Пути ёкаев.

При жизни Чжиши тоже неплохо разбиралась в медицинском деле, хотя у неё не было такого стремления, как у Фанфэн.

По характеру она была живой и любознательной, интересовалась многим, но ни в чём не достигала совершенства.

Прожив множество жизней и переродившись бессчётное число раз, она сохранила память о прошлом благодаря глубочайшей одержимости.

Наверное, это и впрямь была судьба. Как говорится в старой пословице, нет случайных встреч, когда сама жизнь пишет истории.

— Фанфэн, теперь зови меня Цзинцзе, ладно? Чжиши осталась в прошлом, — возможно, из-за опыта многих перерождений она больше не хотела откликаться на прежнее имя. Ей нравилось нынешнее, созвучное по своей лекарственной природе с именем Фанфэн.

— Мм, — кивнула Фанфэн. Теперь, стоило Цзинцзе о чём-то попросить, она, пожалуй, была готова тут же согласиться на что угодно.

— Госпожа! — со слезами на глазах позвал Чжисин.

— Чжисин, сегодня надо радоваться, а ты тут развёл сырость, совсем не похож на мужчину, — уперев руки в боки и надув вишнёвые губки, произнесла Цзинцзе, и этот её жест выглядел невероятно трогательно.

— Хорошо, госпожа, — торопливо закивал Чжисин.

— И ещё, не называй меня госпожой. Чжи Юньсян умерла в двадцать четыре года, а перед тобой сейчас только Цзинцзе, можешь звать меня старшей сестрой. — Цзинцзе лукаво захлопала большими глазами и улыбнулась.

— Нет-нет, так нельзя... — Чжисин замахал руками и затряс головой. — Госпожа есть госпожа, а Чжисин — её книжный мальчик.

— Что ещё за нельзя? — Цзинцзе сделала вид, что сердится. — Велела звать, значит, зови. В какое время живём, какие ещё книжные мальчики!

— Ма... матушка... то есть сестрёнка, — не сумев переспорить Цзинцзе, всё же выдавил из себя Чжисин.

— Тайгуан, сделай для Чжисин марионетку, — повернувшись к молча пившей воду Ду Сылинь, попросила Цзинцзе.

Ду Сылинь приподняла веки и бросила всего два слова:

— Причина.

— Ну как же, Чжисин — мой младший брат, значит, и Фанфэн тоже. А раз он брат Фанфэн, то вполне может считаться и твоим братом! Сделать подарок в виде марионетки для новообретённого младшего братца — разве это много? — с абсолютно серьёзным видом рассуждала Цзинцзе.

Ду Сылинь залпом допила воду из чашки, поднялась и направилась на второй этаж.

— Какая же ты бессердечная! — укоризненно бросила ей вслед Цзинцзе.

Но Ду Сылинь даже не обернулась. Вскоре сверху донёсся глухой звук закрывающейся двери комнаты.

— Ладно тебе, Цзинцзе, Тайгуан всё сделает, — Фанфэн мягко взяла её за руку и ласково

утешила.

— Правда? — Цзинцзе недоверчиво посмотрела на неё во все глаза.

— У Тайгуан такой характер. Со временем ты привыкнешь и поймёшь её, — пояснила Фанфэн.

— Пожалуй, ты права, — Цзинцзе посмотрела на лестницу, подперла подбородок рукой и задумчиво закивала, вспоминая, как Ду Сылинь выглядела во время небесной кары. — Фанфэн, а я ведь... я ведь вела себя слишком резко, да?

— Ни капельки, — Фанфэн нежно погладила Цзинцзе по волосам и прижала к себе. От неё исходил тот самый родной аромат Чжиши, по которому она тосковала столько лет. И теперь, когда встреча наконец состоялась, происходящее казалось настолько нереальным, будто во сне.

— Фанфэн, — покорно прижавшись к её груди, Цзинцзе наслаждалась долгожданным теплом. Чжисин благоразумно удалился — выпив порошок сбора ци, он тоже нуждался во времени, чтобы усвоить лекарство. — Расскажи мне, как прошли твои последние триста лет?

За триста лет разлуки Фанфэн ничуть не изменилась и по-прежнему дорожил ею больше всего на свете.

— Хорошо, — тихо откликнулась Фанфэн и принялась неторопливо рассказывать свою долгую историю.

Что же касается Ду Сылинь, то, вернувшись в свою комнату, она открыла дверь в тайную комнату.

Пройдя по тёмному коридору, она оказалась в помещении, которое служило скорее ещё одной комнатой, но располагалось, судя по всему, глубоко под землей.

В центре тайной комнаты стоял огромный круглый камень, источавший молочно-белую дымку.

По правде говоря, Ду Сылинь была тронута. Её поразило упорство, с которым Фанфэн и Чжиши держались друг за друга.

Небеса сжалились над ними, позволив встретиться после стольких лет.

Фанфэн рассказывала, что их обеих загнали в угол и заставили броситься в крепостной ров.

Подробности она опустила, но теперь, размышляя об этом, Ду Сылинь понимала: всё дело было в их крепких как сталь чувствах, которые тогдашнее ханжеское общество просто не могло принять.

Именно поэтому во время небесной карающей бури Чжиши кричала, что пойдёт против воли небес.

Даже в нынешнюю, куда более свободную эпоху однополая любовь далеко не всеми воспринималась с пониманием. Ду Сылинь только сейчас узнала, что Чжиши была женщиной, но в её сердце не возникло ни тени предубеждения.

Чувства есть чувства, какая разница, мужчина это или женщина.

Любовь между двумя женщинами порой оказывается куда глубже и оставляет шрамы на всю жизнь.

Однако размышления ни к чему не приведут. Фанфэн — её лучшая подруга, а значит, всё, что касалось Фанфэн, Ду Сылинь сделает изо всех сил.

Тихо вздохнув про себя, девушка приступила к созданию марионетки.

Она долго думала, какой материал лучше всего использовать для тела Чжисин. В конце концов выбор пал на нефрит. Нефрит питал дух и укреплял душу, что идеально подходило для решения проблем со слабым состоянием парня.

На эту работу ушло ровно три дня.

Выйдя из затвора, Ду Сылинь встретила вовсе не Фанфэн, не Цзинцзе и даже не Чжисин, а Сяо Цинчжу.

Сяо Цинчжу выглядела смертельно уставшей: с огромными тёмными кругами под глазами она спала прямо на постели Ду Сылинь.

Та простояла рядом довольно долго, но гостя так и не проснулась. Присев на корточки у края кровати, Ду Сылинь осторожно накрыла её тонким одеялом, а затем молча принялась смотреть на погружённую в сон девушку, чьё умиротворённое лицо заставляло отбросить любые мысли о том, чтобы её потревожить.

От природы конституция Сяо Цинчжу была такова, что она легко привлекала духов и ёкаев — метафорически говоря, её можно было сравнить с плотью монаха Тан-санцзана. И причиной тому была её чистая, добрая душа.

— Сылинь? — приоткрыв сонные глаза, Сяо Цинчжу встретила взглядом с Ду Сылинь.

Взгляд хозяйки комнаты казался ещё более глубоким, чем прежде, словно он мог насквозь прочесть человеческое сердце.

— Мм, — отозвалась Ду Сылинь и, поднявшись на ноги, с удивлением почувствовала, что её ноги онемели — незаметно для себя она просидела на корточках целых три часа.

— Я ведь уснула, — смущенно произнесла Сяо Цинчжу.

— Что-то случилось? — спросила Ду Сылинь.

— Твои глаза исцелились? — с изумлением переспросила Сяо Цинчжу.

— Да.

— Вот и славно, — мягко улыбнулась Сяо Цинчжу.

В этот момент у неё зазвонил телефон. Извинившись перед Ду Сылинь, она нажала кнопку ответа.

Ду Сылинь заметила, как лицо Сяо Цинчжу мгновенно окаменело. Хотя они были знакомы совсем недолго, она впервые видела у неё такое холодное выражение лица и слышала столь отстранённый тон.

Если раньше, беседуя с самой Ду Сылинь, голос Сяо Цинчжу напоминал журчание ручья под зимним солнцем — звонкий и приятный, то сейчас слова, адресованные собеседнику на том конце провода, звучали холодно и безжалостно, как ледяная вода горной реки, в которой не осталось ни капли эмоций.

В ту же секунду Ду Сылинь подумала, что Сяо Цинчжу, возможно, вовсе не так проста и наивна, как казалось. В конце концов, чтобы занять пост административного директора в крупной корпорации, требовались методы, недоступные обычным людям.

— Сылинь, Сылинь... — только когда Сяо Цинчжу завершила звонок и принялась махать рукой перед глазами замешкавшейся Ду Сылинь, та наконец пришла в себя.

— А? — рефлекторно откликнулась она.

— Ты витала в облаках, — мягким тоном заметила Сяо Цинчжу.

— Зачем ты меня искала? — Ду Сылинь взяла себя в руки, в её глазах мелькнуло лёгкое недоумение.

— У меня есть дело, в котором мне нужна твоя помощь, — ответила Сяо Цинчжу. — Я обратилась к твоему прежнему контактному лицу, но мне сказали, что в ближайшее время ты не берёшь заказы, поэтому я решила побеспокоить тебя лично...

— Какое дело? — спросила Ду Сылинь.

— Недавно бабушка подбирала для Сяо Цэ место под установку поминальной таблички. Изначально нашли отличный вариант, но оказалось, что это место занял какой-то дух, который не разрешает ставить поблизости чужие таблички. На следующий день после того, как табличку Сяо Цэ всё-таки установили, она загадочным образом исчезла, — Сяо Цинчжу умолкла и с надеждой посмотрела на Ду Сылинь.

— Ты хочешь, чтобы я убрала этого духа?

<http://bllate.org/book/20972/2128936>